

открытия Повести приводились многочисленные параллели к ней из книжных и фольклорных источников, чаще всего ее сравнивали с народными русскими и украинскими песнями о Горе и Доле, особенно в связи с образом Гора-Злочастия, с песнями, записанными Рыбниковым, Соболевским, Киршей Даниловым, Бережковым, А. Марковым и др., а также с былинами (об Иване Гостином сыне — В. Ф. Миллер и т. д.). Среди других параллелей сравнения с песнями и сказками о Горе надо признать наиболее удачными, так как они действительно близки к Повести. Это сходство заставило ученых говорить о влиянии на Повесть, особенно на образ Гора, фольклора.

Однако в большинстве исследований дело кончалось лишь констатацией факта сравнения без подробного анализа сравниваемого материала. Сложность же образа Гора-Злочастия наводила на мысль о возможности обратного влияния его на позднейшие великорусские песни и сказки. Впервые эту мысль высказал А. И. Сонни в работе «Горе и Доля в народной сказке» в 1906 году (41). Ответить же, каково было обратное влияние, он еще не мог. Только подробный стилистический анализ текста Повести и сравниваемого с ней песенного материала дал возможность В. Ф. Ржиге разобраться в этом чрезвычайно запутанном вопросе. В народных русских, украинских и белорусских песнях о Горе он различает две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле, 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Путем их анализа и сопоставления с Повестью о Горе-Злочастии исследователю удалось доказать, что русские, украинские и белорусские народные песни о Горе как женской доле оказали влияние на это произведение. Сам же памятник явился художественным прототипом позднейших великорусских песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Таким образом, творческая заслуга неизвестного автора Повести состоит здесь в переработке фольклорного материала о Горе, в прикреплении его к образу молодца. В. Ф. Ржига также подчеркивает, что Повесть как русский памятник воздействовала в данном случае только на великорусский фольклор. Выводы эти были приняты последующими исследователями. Тем не менее их нельзя считать исчерпывающими. Вопрос о взаимосвязях Повести с устным творчеством нуждается в тщательной разработке.

Что касается книжных связей, то они остаются очень неясными. Первые издатели, отдавая дань мифологической и исторической литературным школам прошлого столетия, приводили к Повести книжные параллели настолько отдаленные, что эти параллели сами по себе не вносили ничего нового в дело ее изучения. Например, Буслаев без всякого основания усматривал связь памятника со средневековыми изображениями «пляски мертвых» по частному применению сказания об Адаме и Еве, с древне-немецким стихотворением XIII века «Гельмбрехт» Вернера Гартенера по мотиву неповиновения родителям, чем вызвал справедливые нарекания позднейших исследователей [Пыпин (40), Архангельский (46), Мазон (74)]. Более правильным представляется сравнение Буслаева Повести о Горе-Злочастии с древнерусскими сочинениями о пьянстве. Эта связь с апокрифическими и народными преданиями о вине и хмеле была воспринята учеными после того, как Веселовский представил ее на широком полотне мировой литературы и фольклора в своих трех работах, посвященных Повести. Увлечение этой параллелью особенно ярко проявилось тогда, когда Александров-Невское общество трезвости в Петербурге в 1907 году зачислило Повесть в разряд сочинений против пьянства (42). Это было преувеличением: пьянство является одним из мотивов назидательной стороны памятника, но не главным. Кроме того, как в настоящее